УДК 328

Бакушев В.В.

Проблемы легитимации национальных и наднациональных политических решений в парламентах

В статье раскрывается содержание дефиниций «парламентаризма», «современный парламентаризма» в нынешних условиях, где приверженцами однополярного мира государствам навязывается «глобальное управление». Современный парламентаризма определяется как системная политическая организация государства, особый тип устройства верховной власти и, безусловно, система правления. Раскрываются форматы протопарламентаризма и показывается их отрыв от стандартов парламентской демократии. Представлены также результаты состоявшихся в конце мая 2014 г. выборов в Европарламент, отметивших свое 30-летие под продолжающимся давлением правоцентристов и повысившейся активности «депутатов-одиночек», представителей новых малых политических партий в территориальном пространстве Европы. На этом фоне происходит смена политических лидеров континента.

Ключевые слова: «парламентаризм» как дефиниция; содержание современного парламентаризма,верховенство законодательной власти, «мир обществ» как посредник в системе правлений, модели современных демократий, экспертные оценки выборов в «Европарламент 2014», итоги выборов в Европарламент 2014, российские правовые меры против «офшоризации».

1. Парламентаризм как легитимация и развитие демократии

Дефиниция ***парламентаризм*** относится к *категории, характеризующей содержательное и ролевое участие выборных представительных органов в функционировании политической системы и принятых в государствах системах реализации политической власти*. Уже с середины XIX в. определения «парламентский», «парламентарный», «исходящий от парламента» и др. применялись либо к форме правления, либо к характеристике политического режима [1–9]. Затем утвердилось и стало расширенно толковаться понятие парламентаризм как инструмента в развитии демократии.

Однако в современной западной политической науке понятие «парламентаризм» заметно стало реже упоминаться и чаще рассматривается в контексте характеристики функционирования «системы политической власти» в нарастающем «*глобальном управлении*». При этом, «*глобальное управление*» относится к более широкому выражению при установлении некоего мирового порядка. Выражение «парламентаризм» больше понимается в рамках национальных или региональных возможностей подготовки или реализации «*высших технологий правления*».

К содержательным компонентам парламентаризма чаще относят или наиболее очевидные проявления парламентской практики, либо глубоко исследованные отдельные элементы проявления парламентской деятельности, а, также, организационные процедуры, технологии формирования парламентов избранными представителями граждан в государствах, которые наделены избирательными правами. Это важно подчеркнуть, т.к. есть попытки эти правила в новых условиях развития демократии или изменить, или «подогнать» любыми средствами под некие лишь видимые черты парламентаризма. Подобное можно наблюдать при рождении «*новых демократий по-американски*» в Афганистане, Северной Африке, а, теперь и на Украине. Для этого подкормленные «послушники» организуются в публичные «группы-стаи» радикалов, которые явочным протестным порядком свергают прави-

тельства в стране по причине «неудобства» или для «демократии по американски», либо во имя защиты «границ НАТО».

Мы рассматриваем современный парламентаризм в научном его понимании. Это, прежде всего:

- *системная политическая организация государств*, где четко разграничены функции законодательных, исполнительных и судебных ветвей власти при полноправном (*привилегированном по отношению к исполнительной власти*) положении парламента; при парламентаризме правительство образуется парламентом из числа членов партий, участвовавших в демократических парламентских выборах и имеющих большинство в парламенте (*возможно также «коалиционное большинство»*) и обязательно ответственно перед ним;

- *особый тип государственного устройства верховной власти*, когда в структуре государственных органов учреждается постоянно действующий избираемый населением орган, призванный принимать *верховные*, а, значит, *политические решения* в форме законов;

- *система правления*, которую отличают специфические формы функционирования парламента, как органа власти, принимающего верховные решения. Это: сессии, пленарные заседания, парламентские слушания, парламентские расследования, парламентский контроль и др. (*в современных условиях парламентаризм возможно реализовать как в республиканских формах правления, так и в парламентских монархиях, хотя и с определенными оговорками*).

Основной отличительной особенностью парламентаризма является обязательное наличие *общенационального представительного учреждения*, работающего на постоянной основе. В свою очередь *политическим условием установления парламентаризма*, как системы правления, является наличие стабильно функционирующей минимум двухпартийной политической системы.

Однако важно оценивать и современную тенденцию о нарастании новых форм *протопарламентаризма*, формы которого все активнее проявляется в нынешней динамике времени и реализуемых политических процессах. В межгосударственные отношения все настойчивее вкрадывается «*мир обществ*», которые не всегда оформляются в партии по классическому варианту. В этой связи, возникают новые и, часто, разветвленные, «сети публичной политики», которые пытаются соединять традиционные правительства государств со структурами зарождающихся или развитых гражданских обществ. Следует признавать, что *национальное государство* – лишь одна из многих форм политических сообществ. Поэтому местные общины или регионы (*например, немецкие «земли», «штаты» в других государствах*) обладают определенной политической идентичностью и стремятся вовлекать в политический процесс своих граждан.

То же самое можно было бы сказать и о *над-* или *транснациональных* режимах. Если носитель суверенитета может осуществлять свое право на разных уровнях государственности (*например, местное самоуправление или федеральные земли*), то не исключено, что то же самое возможно и за пределами границ национальных государств. То есть всюду, где осуществляется власть. Принцип демократии, таким образом, может действовать, невзирая на территориальную «выкройку» политического господства в рамках государства. Здесь именно «мир обществ» стремится брать на себя функции, которые способны зарождать новые модели демократии – *соревновательную, переговорную и другие демократии*. Но не все здесь однозначно, как кажется на первый взгляд.

Так в «*соревновательной демократии*» *большинство населения* или *его представители (должны обязательно выбираться*) являются источниками легитимации. Эта модель может реализоваться только в рамках национальных границ государств. Вышеназванная «модель демократии» не может применяться *к политическому пространству за пределами государства*. Это правило действует, когда реально ограничиваются возможности, например, единственного действующего в мире наднационального парламента – *Европейского парламента* (ЕП). Он вынужден «оглядываясь» сотрудничать с Европейским Советом

(*точнее быть под «его приглядом»*), т.к. реализуются полномочия, определенные только отдельными правовыми актами. Европарламент до сих пор располагает ограниченным правом утверждении бюджета ЕС и правом лишь частичного контроля над исполнительной властью Евросоюза (*полноправие остается у Еврокомиссии*). Поэтому и правительства стран-членов Евросоюза являются в большей мере легитимированы через избрание (*формирование*) их национальными парламентами. А транснациональные режимы и созданные ими институты следует рассматривать как пространства, пока еще далекие от функционирования полной демократии [10].

С другой стороны, как указывает политическая практика, что *не следует догматизировать принципы территориально-государственной демократии, опосредованной только партиями*. Через партийную политику невозможно заранее начертить единственно верный путь движения на пути к цивилизованному развитию. Не допустимо, также, искусственное привязывание возможностей партийных решений для «внутреннего развития страны» к «наднациональным институтам». Так, например, решения европартий не опираются на легитимность электората во всей Европе и их легимность не будет правомерной с правовой точки зрения. Поэтому кажущаяся «похожесть» отдельных новых общественных формирований (*«обществ», «сетевых объединений»*) не есть замена функций парламентов. Делающиеся рядом экспертов выводы, что становится очевидной «*тенденция депарламентаризации*» – не имеет объективности [11, с. 43–46]. В тоже время обнаруживается заметное влияния других тенденций. Так к давно знакомым тенденциям – «олигархизации» и «бюрократизации» – добавилось влияние власти «невидимых сил». Это усиливающееся значение «экспертократии» при подготовке и процессуальном обсуждении проектов значимых решений. Через них (*как и особые группы лоббистов*) может достигаться «реванш частных интересов» над идеей достижения «общего блага», за что борется любой парламент.

Еще одно ключевое направление, когда перечень искусственных угроз представительной (*парламентской*) демократии пополняется усиливающимся влиянием в связи с *переходом посреднических функций от парламентов к СМИ, особенно электронным*. Хотя здесь не стоит преувеличивать влияние последних. Но сама тенденция способствует дискуссии о «*сведении деятельности парламентов к чисто символическим политическим собраниям*». То есть, по этой логике получается, что многие значимые процессы *принятия решений* перемещаются (*могут перемещаться*) из «уважаемых собраний» на «скрытые» и «непрозрачные» переговорные площадки. Парламенты, при этом, становятся лишь палатами *«по регистрации»* или «*ратификации решений*», согласованных или, даже, принятых в других местах (*интернет-сообществах, тематических клубах, сетях*). Однако здесь «видимое» принимается за «сущностное». То есть за содержание не только парламентской деятельности, но и парламентаризма вообще. Парламентаризм – это есть взаимодействие, в т.ч. с новыми рождающимися институтами, а не их игнорирование. Подмена одного другим может быть отнесена к поверхностным представлениям о практике парламентаризма. Профессиональный парламентаризм – значит не лживые инсинуации, не «популизм» однопартийности или «всемогущество» одной партии и навязываемая ею идея. Парламентаризм, также, не может быть прикрытием для группировок «ультра» и «радикалов-маргиналов».

Вместе с тем серьезность влияния «упрощений» для практики парламентаризма ощутима. В России вводятся, например, новации в законодательство, приравнивая работу влиятельных «сетевиков» к электронным СМИ. В 2013 году приняты решения о регистрации НКО, получающих зарубежную финансовую поддержку, в качестве их агентов и др.

По похожим причинам не могут быть признаны полноценными парламентскими международные и наднациональные режимы военных союзов (*НАТО, Западноевропейский союз*), которые учредили свои «парламентские собрания», т.к. они сформированы как «*кооперативные переговорные системы*». В них не предусмотрено трансграничное оппонирование (*оппозиция*) решениям исполнительной власти.

Поэтому, здесь важно уточнить, что целью *переговорных структур* является итог в форме консенсуса. Для этого привлекаются признанные представители возможных групп интересов. Из переговорного процесса не должно исключаться «меньшинство» (*если заинтересованная сторона не может добиться, чтобы за ее предложение проголосовало большинство, должен вестись поиск такого решения, с которым согласится, по возможности, определенная часть*). Государство, конечно, не может по этому сценарию силою заставить деятелей общественных организаций вести себя каким-то определенным образом. Но оно, безусловно, может *инициировать компромиссы*, выступая как «первый среди равных», т.е. как «*ведущий*» или как «*координатор*». При таком подходе государственная монополия на насилие может оставаться «в запасе», но участники дискуссий действуют «в тени» государственной иерархии. Абсолютная госмонополия может использоваться за столом переговоров лишь как последний довод[1].

Такая модель может способствовать повышению эффективности действий государства, но здесь очевидно проявляются *проблемы легитимации*. Когда нет соответствующих парламентаризму общественных дискуссий о возможных альтернативах, значит тогда слабо организованы интересы «общего блага». То есть, если парламенты получают недостаточно информации, то они оказываются в роли наблюдателей или «невидимой силы», а *бюрократия, лоббисты, эксперты* получают большую свободу действия. При этом *в скрытой политической сфере отдельные элиты могут вступать друг с другом в сговор или же, наоборот, стремиться блокировать друг друга, используя арсенал средств информационных войн, компромат и т.п.*

Уточним, что переговорные системы первоначально стали применятся в таких откровенных «демократиях согласования», как Нидерланды, Австрия. Но как свидетельствует анализ практики, *урегулирование конфликтов при помощи «политики согласования» определяет*, также, *стиль транснациональных структур в процессах выработки решений*. А принятие решений «парламентским большинством» становится исключением, либо вообще редко практикуется. К *действию приводятся в основном специализированные политические сети (уточним, что подобные сети укореняются в транснациональных режимах, в которых возникает целая палитра «нетерриториальных» или «функциональных» политических арен*). Но встречаются и позитивные новые явления. В качестве такого примера можно назвать климатическую или гендерную политики (*темы по своей сути являются трансграничными, а связанные с ними вопросы должны решаться не на национальном, а на международном региональном уровне*). Цель, как урегулирование проблемы, требует того, чтобы были выработаны пути их решения. Но «функциональные политические арены» – это только специализированные подготовительные площадки для дискуссий (*обсуждений, подготовки предложений*), а легитимное решение может принимать только парламент.

Таким образом, очевидная *двуликость переговорной, в т.ч. транснациональной демократии* способна быстро включать в себя новые интересы и группы, специфические, а зачастую и «неудобные» для кого-то знания и идеи. Вместе с тем здесь не допустимо поощрять «*авторитарный централизм*» со стороны транснациональных структур. Важно гарантировать реальное участие в политике граждан и обеспечивать общественный контроль. При этом *включение гражданских организаций в транснациональные органы в формате излишних экспертных собраний может напротив становиться не «демократизация»,*

[1] Суть, например, «кооперативного государства», за которое выступают современные либеральные представители, проявляется тогда, когда его органы на своих полях деятельности и во все новых конфликтных ситуациях действуют не посредством актов государственной власти (*законов*), а находят решения путем переговоров с представителями общественности. Министерства и часть лоббистских объединений сотрудничают либо для введения обновленного эффективного и устойчивого законодательства, либо для нахождения общеприемлемых правил, не доходя до законодательного уровня.

а «усиление бюрократизации» процессов подготовки политических решений. Это не может считаться парламентской профессиональностью.

На основе вышеизложенного попробуем сформулировать подходы к новому моделированию демократий, которые реализуются в современном динамичном мире. Среди них:

- *ассоциативная демократия*, которая выступает как «третий сектор» (*в слабых гражданских обществах во многих странах он формируется в ассоциациях, занятых общеполезной деятельностью*);

- *совещательная демократия*, которая включает ряд существенных недостатков переговорных систем как привлечение «силы» вместо аргументов (*ключевое значение имеет стоящая за переговорщиком «сила» и выбранная стратегия ведения переговоров; под влиянием «силы» убедительность аргумента бывает не обязательной*). То есть допускается, что демократическое пространство представляется как *дискурсивное пространство* – сравнительно свободное от власти установление авторитета «сил», «неубедительность аргументов». Поэтому «совещательная демократия» *не является альтернативой парламентской легитимации; она скорее выступает как дополнение, способное лишь повысить качество процессов принятия решений*;

- *прямая демократия* возможна когда, хотя бы на уровне концепции совершаются шаги *от* территориально обоснованной легитимации политики национального государства *к функционально-обоснованной негосударственной политике*.

Таким образом, подключение общественных формирований к подготовке парламентских решений происходит не как конкуренция по принципу «*один вместо другого*», когда возможно проявление прото-парламентаризма, а это важно рассматривать лишь как дополнение в современном развитии парламентаризма. При этом качество парламентской деятельности должно повышаться за счет профессионализма парламентариев.

На современном этапе нельзя переоценить возможный вклад в развитие парламентаризма НПО (*неправительственных организаций*). Однако и эти формы не заменяют сами по себе парламентской легитимации принимаемых решений высшего уровня.

2. Трудный путь становления «Европарламента 2014» и россияне

Политический фон зимне-весеннего сезона начавшегося 2014 года, вызванный прорвавшимся кризисом на территории Украины, фактически полярно стал делить мир ведущих стран и их сателлитов на два мировоззренческих лагеря. «*Правящий Запад*» - с явно проявляемыми двойными стандартами и желанием поддерживать свой гегемонизм, т.е. контроль над управляемыми ими территориями, и «*государствами-реалистами*», к которым можно отнести, кроме России, Китай, Индию, Бразилию и, пусть еще не явно, но ряд быстро развивающихся государств.

Согласно результатов ежемесячно проводимого опроса общественного мнения Левада-центром по предложенным в конце апреля 2014 г. наибольшее ущемление прав-русских русскоязычного населения проявляется на Украине и странах Балтии (*от половины до двух третей опрощенных*). Это, безусловно, вызывает серьезное беспокойство. За создание Евразийского Союза высказывается 40% участников опроса, при том, что часть не хотела бы «появления нового государства Евразийский Союз». Характерно, что за вхождение в будущем России в Европейский союз и, тем более хотел бы «стать гражданином Европейского Союза» высказался лишь один из пяти опрошенных. То есть *за интеграцию России в рамках Евразийского территориального пространства более чем в два раза активность россиян выше*[1]. В отношении стран, в которых ущемляются права русских, Россия (*по мнению опрошенных*) должна использовать следующие средства по приоритетности: «экономическое

[1] Опрос проведен 25-28 апреля 2014 г. с использованием вопросов РБК по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1602 человека в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов страны (*см. РБК daily от 5 мая 2014 г. С. 3*).

давление и санкции» (41%); «политическое давление и санкции» (34%); «ответные действия», в т.ч. депортация (28%); «присоединение к России территорий с компактным проживанием русских» (15%); «введение ограниченного контингента российских войск» (8%)[1].

Исходя из приведенной качественной характеристики общественного мнения среди россиян важно посмотреть на процессы, связанные с легитимацией парламентской демократии в государствах Европы (*очередные выборы в Европарламент состоялись 23-25 мая 2014 г.*). На фоне перманентно провоцируемой нестабильной ситуации на европейской территории накал политического внимания к этим выборам не был активен или реализовался в лживо-противоречивых обвинениях России в кризисе Украины. На самом же деле «украинский фон» был сформирован грубейшими нарушениями основополагающих международных принципов и норм в области прав человека и верховенства права, совершенных монополизировавшими протестный «майдан» радикал-националистами при попустительстве и, даже, прямом поощрении их из США и лидеров Евросоюза[2]. Ложная информация, не отвечающая отражению реальной ситуации, европолитиками воспринимается только через «фильтры США» (*даже председатель ОБСЕ Дидье Буркхальтер, находившийся в России 7 мая с.г., смог прийти к осознании того, что именно «киевские власти» должны прекратить все военные и карательные операции на юго-востоке Украины и разоружить праворадикальные и националистические элементы, на основе чего объявил свои четыре пункта: прекращение огня, деэскалация напряженности, диалог и выборы*). Неуступчивость нынешней украинской власти, пришедшей через госпереворот, приводит к тому, что потребность введения «федерализма», как ответ на не учет ущемляющихся интересов русскоязычного населения на Украине, позволила достигнуть кровавой черты.

Однако важно вспомнить и другое. Действовавший с 2009 года прежний Европарламент оставался под влиянием правоцентристов в основном, входящих в европейскую народную партию и объединение европейских демократов. Но в нем было активно выражено влияние радикалов, из-за чего наднациональный парламент сторонился браться за решение реальных сложных проблем, так как не мог достигать политического компромисса. К 35-летию Европарламента, а это итоги выборов «2014», подошел еще более радикальным, чем Европарламент «2009». Он, помимо традиционных, вбирает в себя представителей фланговых течений, которые в отдельных странах (*не по всей Европе*) не играют ведущей политической роли, но находят себе электоральную поддержку. Проявили себя кандидаты не от правящих в прежние десятилетия партий в государствах Европы, что подтверждает заметный протестный характер голосования[3]. Заметное влияние на континенте оказывает и радикальная новая европейская партия «пиратов», которая институирована далеко не во всех странах и не имеет своего устойчивого электорального представительства в целом ряде стран [12, с. 360–369]. Например, эта партия не регистрируется в России, но как «евродвижение» находит своих сторонников.

На общий процесс выборов в Европарламент «2014» до последнего времени оказывала негативное влияние неясность с кандидатурой основного представителя политической еврокоалиции, т.к. она связывалось, прежде всего, с Европейской народной партией. А это консервативная политическая линия влияния на континенте. Победа консерваторов на выборах в «Европарламент 2014» – это только первый шаг. Дальнейшая политика будущего

[1] СРБК daily. 5 мая 2014 г. С. 3.

[2] См.: Доклад «Белая книга» о массовых нарушениях прав человека на Украине, подготовленный МИД России и размещенный на сайте министерства.

[3] Неучастие в выборах «2009» во многих странах составило более половины избирателей. особенно в новых странах Евросоюза (Болгария и Румыния – более 62%; Словения, Словакия, Чехия, Литва – 72-80%). Явка по странам ЕС, напомним, составила 43,0%, а в странах бывшего социалистического лагеря (*10 стран*) – не более 31%.

Европарламента может стать привлекательной только при отходе от «мелкотемья» (*не следует вмешиваться, через чиновничьи процедуры, в вопросы, которые могут разрешаться на национальном, а не наднациональном уровнях*). Большего порядка и внимательное отношение требуется в вопросах миграционной политики, сокращения безработицы и др. Среди тех избирателей, которые голосуют против нынешней политической практики Европарламента, есть молодежь. Она ведет себя по разному. Одну часть составляют, молодые люди, заинтересованные в собственной профессионализации и карьере, но именно они остро ощущают сложности в построении своей карьеры. Другая берется за «булыжники», идет за фашистскими лозунгами, мотивирована революционно-разрушительными настроениями. Это менее профессионально подготовленная молодежь, она опирается на «радикализм» под любыми лозунгами, в том числе и националистическими, вплоть до фашистских проявлений. Поэтому Европе вполне реально придется столкнуться у себя с подобием украинского «правого сектора», если не перестать заигрывание с радикалистами.

На наш взгляд, большая часть социального сознания тех, что относится к экономически активной составляющей европейского электората, ждут от евровласти более внятных решений и хорошей организации практики их исполнения. Скорее всего придется менять структуру Европарламента и отважиться на более полезную не только для налогоплательщиков Европы работу, но и полнее учитывать интересы в восточном Европейском направлении.

Уместным будет привести аргументы как воспринимались выборы в «Европарламент – 2014» у нас в стране. Согласно проведенного в апреле 2014 г. опроса более ста слушателей и магистрантов, обучающихся из разных регионов страны в Академии при Президенте РФ об их личном восприятии выборов как политического явления в 35-летней истории Европарламента, получены следующие результаты:

1. Из предложенных к определению рейтинга семи европейских институтов Еврокомиссия, Парламентская Ассамблея Совета Европы, Европарламент, Европейский суд, ОБСЕ (*Организация по безопасности и сотрудничеству*), Евробанк, Европейский инвестиционный банк – почти две трети опрошенных относят *Европарламент на второе – четвертое места по влиятельности*.

2. Почти половина опрошенных информирована о деятельности Европарламента в основном из материалов СМИ; треть – более углубленно изучает проблему только при обучении.

3. В своих ощущениях (*своей жизнедеятельности*), что «россияне-европейцы» есть восприятие у 40% опрошенных.

4. По обобщенному мнению участников опроса лишь один из десяти европейцев (*читаемая информация, личные поездки за рубеж, обмен мнениями*) доволен деятельностью Европарламента, избранного в середине 2009 года.

5. До 40% опрошенных считали, что электоральнаяя активность еврограждан в мае 2014 года на выборах «Европарламент – 2014» останется «низкой» или на «прежнем уровне» (*явка может быть низкой в новых государствах Евросоюза*). Хотя более половины надеются, что возможно «явка на выборы» повысится, т.к. «*важно думать о выходе из континентального кризиса*».

6. Около 58% опрошенных выразили надежду, что в будущем роль Европарламента должна повыситься в формировании отношений старой Европы с Россией (*действовавший парламент Европы пока отличался и отчасти составом, и рядом решений как «русофобство»*).

7. Почти три четверти опрошенных считали влияние радикальных партий в выборах в «Европарламент – 2014» будет «*выше*» или будет «*таким же*», как прежний состав парламента.

8. Повышение влияния кандидатов от радикальных группировок, по мнению опрошенных, предполагается во: Франции, Латвии и Литве, Германии, Польше, Испании и, отчасти, Венгрии, Италии, Греции, Румынии.

Конечно, приведенные данные больше относятся к экспертному мнению тех, кто знаком со сферой публичного управления. Рядовые граждане, конечно, более далеки от понимания механизмов деятельности такого института, как Европарламент. Но поскольку жить нужно будет вместе на пространстве Евроазии, поэтому не должно быть безразличия к тому, какие модели демократии будут господствовать, *как* и *какие* приниматься решения, и в государствах Европы, и на наднациональном уровне государств.

Выборы «Европарламент-2014» прошли при невысокой явке избирателей 28 стран Европы 43,1% (*на выборах в 2009 г. – 43,0%*). Правоцентристская Европейская народная партия получает большую часть голосов (*218 из 751 мандатов*). Вторые – левоцентристы «Прогрессивные альянс социалистов и демократов» – 186 мандатов. Третьи – либеральное объединение «Альянс либералов и демократов за Европу» – 70 мандатов, но может чуть увеличиться. Далее идут социалисты и зеленые.Во многих странах, в т.ч. с классической демократией очередной прорыв (*в сравнении с выборами в 2009 г.*) получили радикальные, особенно правые политические объединения. На национальном уровне их роль будет расти.

Важно отметить, что радикальные призывы для сбора голосов звучали во Франции (*госпожи М. Ле Пен*) как лидера «Национального фронта». В Англии, в лице нынешнего лидера страна (*премьер-министра Камерона*), резко звучал призыв против засилья Европы мигрантами (*призывы не допустить их в свою страну*). Новый лидер от радикалов (*Я. Корвин-Микке*) в Польше («*Конгресс правых сил*») призывает к отмене правовых основ Евросоюза, – «уничтожить ЕС изнутри», что является протестом против европейской бюрократии!!! Этот призыв звучал и у других праворадикалов. В Германии сказывается непрочность парламентской политической коалиции, где г-жа Меркель ради удержания у власти (*третий срок*) своей политикой разбивает политические устремления социал-демократов (*ее партнеры по коалиции*). Хотя ее партия и побеждает на выборах в Европарламент. На Севере Италии («*Лига Севера*») также прошли протестные акции. В Чехии вновь обостренно выражается протест против «евро».

Что можно сказать к итогам. Для граждан, в т.ч. и тех, кто все таки пришел на выборы ближе их национальные ценности, традиции христианского вероисповедания. Поэтому проводившаяся ранее политика на усреднение «человека-европейца» как гражданина с привитием мультикультурализма терпит пока фиаско. При этом заметна выраженная поддержка правдивому (*не «ложно-ангажированному» по указке США и Брюсселя во имя «защиты границ НАТО»*) курсу России, проводимому лидером В.В. Путиным. А, поэтому, не участие в прошедших выборах это тоже символический ответ большинству гражданского населения в Европе. Количество «евроскептиков» растет на западе и в центре Европы. Кризис продолжается не только в экономике континента, но и сознании. На пути к евроинтеграции возникли серьезные проблемы, которые следует решать сменой политики и повышением роли Европарламента в ее формировании и реализации.

В этой связи важно сделать выводы, как говорится для «внутреннего потребления», чтобы российское общество могло быть более консолидированным, а Россия еще повысила бы свой интеграционный потенциал. Прежде всего, на пространстве Евразии.

В этой связи удивляет продолжающиеся действия определенной части россиян, прежде всего, имущих или относящихся к управленческому истеблишменту, связанные с выводом капитала за рубеж. Это не только продолжается, но и с очевидностью усиливается в последнее время, не смотря на принимаемые правительством страны меры. По прогнозу Минэкономразвития РФ в 2014 году возможно увеличение объемов оттока капитала до 100 млрд. долларов США. По экспертным данным в 2013 году вывод капитала по странам составил (*млрд. долларов США*): Швейцария – 4,248; США – 2,974; Китай – 2,567; Германия – 2,342; Австрия – 2,335; Испания – 1,837; Латвия – 1,743; Нидерланды – 1,408; Гонконг – 1,301; Италия – 1,229; Кипр – 1,115; Турция – 1,107; Япония – 1,071 [13, с. 5]. И это в тот период, когда инвестиции, как и эффективное их управление, нужны внутри страны.

Одновременно продолжается со стороны федеральных министерств затягивание сроков исполнения поручений Президента РФ В.В. Путина по реализации его «майских» указов. На исполнении после двух лет находится более 40% поручений [14, с. 2].

То есть «страх» за возможную утрату того, чем обогатились и, тут же, неверие в страну и ее возможности к укреплению на мировой арене. Такое поведение «трусость», которая ведет к устойчивости психологии, что можно обеспечить свою безопасность за счет безопасности других. Но это те, кто «ухватил богатство крадучи», а общественные настроения ориентированы в поддержку политики, проводимой В.В. Путиным, как национальным лидером. То есть вера В.В. Путину, который стремится работать (*управлять страной*) на опережение является (*соглашусь с политологом Л. Родзиховским*) «основой общественной уверенности, удовлетворения, довольства…» [15, с. 2].

Важно добавить, рациональная выдержка как управленца и логичное выстраивание российской политики в условиях информационной разнузданности и сговора стран Запада против России во имя защиты границ блока НАТО в связи с 65-летием Вашингтонского договора. При этом, даже не как «сокровища», а именно последнего рубежа «воинственного стайного оплота» по защите своей мировой гегемонии, слабо считаясь даже с интересами бизнеса, который уже плотно в предшествующие четверть века интегрировал с российской экономикой (*из-за санкций только в Германии может быть свернуто до 600 тысяч рабочих мест, создаются экономические риски для 6 тысяч немецких предприятий*). Получается, что тактика США сводится к игре не «за Украину» (*не упустить с крючка «евроинтеграции»*), а все более очевидно «против России». На этот счет взвешенная политика России и ее предварительное разъяснение выстраивается ныне последовательно. Это касается, в т.ч. поставок энергоносителей для стран Евросоюза. К рациональным шагам можно отнести и оперативно подготовленный и принятый федеральный закон о необходимости аккредитации иностранных компаний в России после сверки их реальной профессиональной деятельности и приведение их ответственности за нарушение контрактов и договоренностей на основе российского законодательства. Может быть отказ на их работу, если выявятся угрозы суверенитету России (*срок на получение аккредитации установлен до начала 2015 г.*) [16–17].

Конечным результатом деятельности парламента является создание правовых норм, которые несут функцию регуляции политического поведения. Под влиянием деятельности парламента складывается определенная структура общества, правила поведения социума. Есть общие принципы, которые учитываются в парламентской практике. Но, главное, что в современных условиях парламент является *носителем верховной законодательной власти*, занимая ключевое положение в системе органов политической власти государства. Хотя потребуется принять еще много достойных правовых актов, чтобы Россия двигалась по пути «роста и развития». Но очевидно то, что ей не могут угрожать, чтобы она пугаясь, меняла правдивый политический курс. Хочется верить, что это осознает социальное большинство не только внутри страны, но и во вне.

Литература

1. Balinski M.L., Peyton Y. Fair Representation. New Haven.1982.
2. Gallagher M., Laver M., Mair P. Representative Government in Western Europe. McGrom Hill, 1992.
3. Griffith J., Ryle M. Parliament. L., 1989.
4. Hogan J. Elections and Representation. Cork., 1945.
5. Kriesi H. Les democracies occidentals. Une approche compare. P., 1994.
6. Roccan S. e.a. Citizens. Elections, Parties. Oslo. 1970.
7. Robert's Rules of Order. The Standard Guide to Parliamentary Procedure. N.Y. – L., 1876 (1 st ed.).

8. Очерки парламентского права (зарубежный опыт). М., 1993.
9. Парламенты мира. М., 1991.
10. Леггеви К. Транснациональные движения и вопрос демократии // «Transit-Europaische Revue». 2002/2003, № 24.
11. Бакушев В.В. Внепарламентские дискуссионные площадки: проблемы легитимности решений // Современный парламентаризма: взгляды, оценки, тенденции. Т.1. Бакушев В.В. и др. М.: Издат. «Граница», 2013.
12. Бакушев В.В., Понеделков А.В, Прогнозное развитие России: конец или расцвет олигархии // Элитология России: современное состояние и перспективы развития. Материалы Первого Всерос. элитолог. конгресса с междунар. участием. 7-8 октября 2013 г., Т. 2. – Ростов н/Д: ЮРИФ РАНХиГС, 2013.
13. Королевский подарок. Куда россияне вывезли деньги в прошлом году// Российская газета. 2014. 29 апреля. (*приведены страны, куда вывезено свыше 1 млрд. долл. США*).
14. Время действовать // Российская газета. 2014. 7 мая.
15. Родзиховский Л. Место в истории // Российская газета. 2014. 7 мая.
16. Федеральные законы «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 5 мая 2014 г. № 106-ФЗ и от 5 мая 2014 г. № 110.
17. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О национальной платежной системе» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 5 мая 2014 г. № 112.

УДК 32

Дегтярев А.К.

Гражданский национализм в российском обществе: имперский дискурс

В статье предлагается концептуальный анализ перспектив гражданского национализма в российском обществе. Делая вывод о том, что традиция русского национализма по отношению к государственности содержит отрицание идеи империи как союза народов, автор статьи полагает, что имперский опыт как схема восприятия государства надэтничной общностью позволяет перейти к модели гражданского национализма, в которой этнонациональные различия переводятся в режим гражданских добродетелей. Автор считает, что стремление по иному «эксплуатировать» имперские настроения создает эффект отторжения общества от государства и влияет на рост этнонационального сепаратизма. Им обосновывается положение о реальности гражданского национализма, если понимать под таковым идеологию российской политической нации, как общности граждан, воспринимающих имперский опыт в качестве культурной традиции.

Ключевые слова: имперский дискурс, имперский опыт, русский национализм, этнический негативизм, гражданские добродетели.

Дискуссионным моментом, постоянно воспроизводящимся в обсуждении национализма в российском обществе, можно считать признание влияния имперского синдрома, веры в имперскую миссию и предназначение России. Отмечается, что особенность ситуации заключается в том, что имперский опыт и имперские настроения объективно блокируют процесс нациестроительства, делают практически нереализуемым проект формирования гражданской нации, ориентированной на солидарность базовых гражданских добродетелей и осознание принадлежности к российскому гражданскому сообществу независимо не только от этнической и конфессиональной принадлежности, но и от схемы национального государства как естественного «очага» нации.